

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

R.P. Meier, H. Aristar-Dry, E. Destruel (eds.). Text, time, and context. Selected papers of Carlota S. Smith. Studies in linguistics and philosophy 87. Dordrecht: Springer, 2009. lxiv + 404 p. ISBN 978-90-481-2616-3

Имя американской исследовательницы Карлоты Смит (1934–2007) известно российским лингвистам в первую очередь благодаря ее работам по аспектологии, в которых нашла отражение так называемая «двухкомпонентная» теория вида, четко проводящая противопоставление между лексическими (акциональными) свойствами предикатов и грамматическими аспектуальными категориями (см. монографию [Smith 1991/1997] и вышедшую на русском языке статью [Смит 1998]). Именно аспектологические работы К. Смит являются наиболее цитируемыми и за рубежом¹.

Рецензируемый сборник статей К. Смит, изданный посмертно ее коллегами и учениками, позволяет существенно по-иному оценить широту интересов и научный вклад этого неординарного ученого, в чьей биографии аспектологическая проблематика занимала важное, но не единственное и не всегда центральное место. Основным лейтмотивом исследований К. Смит, насколько можно судить по включенным в сборник статьям, был вопрос о способах интерпретации высказываний носителями разных языков – проблема, изучение которой сразу сталкивалось с несколькими сложностями.

Во-первых, даже в пределах одного языка на интерпретацию влияют самые разные факторы, и один из важнейших таких факторов – контекст, на необходимости учитывать который К. Смит всегда настаивала в своих

работах. Во-вторых, языки существенно различаются тем, какие способы интерпретации они предпочитают, какие они накладывают на них ограничения, какие значения кодируются в них грамматически. Внимание к межъязыковой вариативности в изучаемой ею области, в том числе к весьма тонким различиям между языками, также всегда было отличительной чертой работ К. Смит. Несмотря на то, что ее нельзя назвать типологом в общепринятом значении этого слова, поскольку она не ставила перед собой задачи систематически описать всевозможные значения, которые в языках мира принимали бы исследуемые ею параметры, и всегда ограничивала область своего рассмотрения лишь несколькими хорошо известными ей языками (сначала это был, помимо ее родного английского, французский, который она знала в совершенстве, затем – китайский и навахо, привлекался к рассмотрению также и русский язык), типологическая ориентированность неизменно присутствовала в работах К. Смит. Наконец, необходимо отметить, что будучи воспитана в рамках генеративного направления в лингвистике (К. Смит начала свою лингвистическую карьеру как ученица З. Хэрриса и Н. Хомского, и первые ее работы [Smith 1961; 1964] были посвящены трансформационному синтаксису английского языка), К. Смит очень скоро вышла за рамки «мейнстрима» порождающей грамматики как с точки зрения изучаемых ею проблем, так и во многом в отношении методологии и стилистики научной работы. (Стоит отметить, что с середины 1980-х гг. излюбленной формальной моделью К. Смит стала теория репрезентации дискурса (Discourse Representation Theory, см. [Kamp 1981; Kamp, Reyle 1993]), не предполагающая

¹ Так, по состоянию на 21.08.2010 в научном подразделении поисковой системы Google (scholar.google.com) книга [Smith 1991/1997] упоминается более 1500 раз, а любая другая ее публикация – не более 250 раз.

сколько-нибудь сложной синтаксической «машинерии», зато дающая богатые возможности для моделирования самых разных семантических явлений на уровне предложения и текста.) Именно этим можно объяснить тот факт, что труды К. Смит читают и признают авторитетными лингвисты, придерживающиеся самых разных теоретических установок. Высказанные в ее работах идеи и применяемые ею методы анализа имеют ценность независимо от узкой научной парадигмы, а ее работы, в том числе написанные несколько десятилетий назад, оказались устойчивы против быстротечной научной моды.

В сборник помещены пятнадцать статей К. Смит, написанные ею единолично или в соавторстве на протяжении почти четырех десятилетий (самая ранняя из представленных в сборнике статей была впервые опубликована в 1971 г., последние датируются уже 2000-ми годами), краткая биографическая справка и библиография основных публикаций ученого, а также интервью, которое К. Смит дала своим коллегам в 2005 г. В последнем она рассказывает о разных периодах своей научной биографии, об учениках, с которыми сотрудничала и контактировала, о научной и общественной обстановке в университетах США и Франции в 1960–1980-е гг. В конце сборника имеются именной и тематический указатели.

Статьи разбиты на пять тематических разделов, каждому из которых предпосланы краткие введения, написанные ведущими специалистами в соответствующих областях лингвистики. Эти введения суммируют основное содержание статей раздела и оценивают особенности работы К. Смит и ее вклад в данную проблематику. Разделы эти таковы: «Вид» («Aspect»; введение М. Крипки), «Время» («Tense»; введение Ж. Герон), «Усвоение времени детьми» («The acquisition of tense»; введение Р.П. Мейсра), «Структура дискурса и дискурсивные модусы» («Discourse structure and discourse modes»; введение Б.Х. Парти), «Контекст и интерпретация» («Context and interpretation»; введение Х. Эристар-Драй). Поскольку объем рецензии не позволяет остановиться на каждой из статей К. Смит в отдельности, далее охарактеризуем указанные тематические секции, останавливаясь на наиболее интересных и релевантных моментах отдельных статей.

В раздел о виде помещены три статьи, отражающие разные направления аспектологических исследований К. Смит. Работа «Подход к виду с точки зрения говорящего» («A speaker-based approach to aspect»; впервые опубликована в журнале «Linguistics and philosophy» в 1986 г.) является программной и наряду с более ранней статьей [Smith 1983] во мно-

гом предвосхищает книгу [Smith 1991/1997]. Основной пафос статьи состоит в том, что аспектуальные значения – будь то грамматические категории, наличные в данном языке, или акциональные компоненты лексической семантики предиката и его зависимых, составляющих описание внеязыковой ситуации, – в значительной степени субъективны и обусловлены тем, каким образом говорящий представляет ситуацию и с какой точки зрения он на нее смотрит. Напомню, что в своей двухкомпонентной теории вида К. Смит постулирует два универсальных аспектуальных значения, так называемые видовые ракурсы (*aspectual viewpoint*): перфективный (рассмотрение ситуации целиком, включая ее границы) и имперфективный (рассмотрение части ситуации, не включающей ни одной из ее границ). Начиная с уточнения вендлеровской классификации акциональных типов ситуаций [Vendler 1957], К. Смит переходит к описанию видовых значений английских глагольных форм, демонстрируя, как грамматические аспектуальные категории взаимодействуют с лексическими. Затем она анализирует видо-временные категории французского глагола, показывая, в чем состоят тонкие различия между двумя языками в области выражения точки зрения говорящего на ситуацию и как по-разному сходные по значению английские и французские формы ведут себя при сочетании с теми или иными типами предикатов. Заключает статью краткое обсуждение типологии видовых систем, привлекающее данные (правда, без иллюстративных примеров и подробного обсуждения) целого ряда языков, преимущественно Африки и Северной Америки.

В работе «Видовые категории языка навахо» («Aspectual categories in Navajo»; впервые опубликована в журнале «International journal of American linguistics» в 1996 г.) К. Смит описывает, как в этом атабаскском языке кодируются акциональные типы ситуаций и разнообразные видовые категории, подчас весьма экзотические. В области акциональности для навахо особенно релевантными оказываются отражающиеся в морфосинтаксических возможностях соответствующих глагольных основ противопоставления динамических ситуаций состояниям, а внутри динамических ситуаций длительных и мгновенных; напротив, важная для европейских языков оппозиция предельных и непредельных ситуаций в навахо, как показывает К. Смит, нейтрализована. Интересно также, что способы выражения аспектуальных значений в навахо нередко парадоксальным образом отличаются от характерных для языков «среднесвропейского стандарта». Так, актуально-длительное (импер-

фективное) значение нередко кодируется при помощи перфективных форм начинательных глагольных основ – осуществление события «ситуация началась» прагматически имплицитует, что ситуация продолжается.

В статье «Деятельности: состояния или события?» («Activities: states or events»; впервые опубликована в журнале «Linguistics and philosophy» в 1999 г.) К. Смит приводит многочисленные аргументы в пользу трактовки вендлеровского класса деятельностей, который разделяет общие свойства и с состояниями, и с событиями, как образующего естественный класс именно с последними. Наиболее интересным аргументом представляется сходство поведения деятельностей и событий в дискурсе: оба типа ситуаций в сочетании с перфективным видовым ракурсом способны «продвигать» основную линию повествования, в отличие от состояний, которые выступают в текстовой функции фона.

Раздел «Время» включает четыре статьи. Первая из них «Синтаксис и интерпретация английских темпоральных выражений» («The syntax and interpretation of temporal expressions in English»; впервые опубликована в журнале «Linguistics and philosophy» в 1978 г.) – представляет оригинальную теорию интерпретации языковых выражений с временным значением, разработанную на материале английского языка. В основе этой теории лежит известное противопоставление трех временных моментов, введенное в работе [Reichenbach 1947]: времени речи (speech time), времени ситуации (event time) и времени отсчета (reference time). Темпоральные выражения, т.е. грамматическая категория времени (tense) и разного рода темпоральные обстоятельства, все вместе служат спецификации времени отсчета, его положения относительно момента речи и положения времени ситуации относительно точки отсчета². Важный вывод К. Смита, к которому она возвращается и в других статьях, состоит в том, что целые классы предложений, характеризующиеся особыми сочетаниями грамматического времени и темпоральных обстоятельств, будучи грамматически правильными, являются семантически неполными и получают временную интерпретацию лишь в контексте. Этот факт, как показывает К. Смит, имеет последствия и для теории грамматики в целом, демонстрируя, что лишь такая модель

семантико-синтаксического интерфейса, которая способна учитывать контекст, является адекватной для описания языка.

В статье «Временная референция английского футуратива» («The temporal reference of the English futurate»; впервые опубликована в журнале «Cognition and communication» в 1983 г.) К. Смит обсуждает семантические особенности употребления английских форм простого презенса (present simple) и презенса прогрессива (present continuous) в функции будущего времени, демонстрируя, что эти конструкции описывают подготовительный этап будущей ситуации, имеющий место в момент речи.

Две другие статьи этого раздела – «Сфера действия грамматического времени» («The domain of tense»; впервые опубликована в сборнике «The Syntax of time», MIT Press, 2004) и «Категория времени и контекст во французском языке» («Tense and context in French»; впервые опубликована в альманахе «Cahiers Chronos» в 2007 г.) – особое внимание уделяют дискурсивным аспектам интерпретации временных выражений. В этой связи необходимо более подробно остановиться на предложенной К. Смит оригинальной концепции типов дискурса и их языковых особенностей, наиболее полное отражение нашедшей в монографии [Smith 2003].

Модусом дискурса (discourse mode) К. Смит называет особый способ организации текста, обладающий рядом прагматических и лингвистических свойств. Это понятие отличается от принятого в литературоведении понятия жанра большей общностью и во многом сходно с понятием «дискурсивного режима», введенным в работах Е.В. Падучевой [Падучева 1996]. К. Смит выделяет пять основных дискурсивных модусов (оставляя вне рассмотрения диалог и ряд других типов дискурса): нарратив (narrative), репортаж (report), описание (description), сообщение (information) и аргументация (argument). Модусы дискурса, помимо прочих релевантных характеристик, отличаются значениями двух признаков, непосредственно связанных с языковым временем. Первый из этих признаков – типы единиц, которыми оперирует данный модус дискурса. Существует три основных типа таких единиц: ситуации (eventualities; ситуации в свою очередь делятся на события и состояния), свойства (general statives) и абстрактные сущности факты и пропозиции. Ситуации и свойства, в отличие от абстрактных сущностей, локализуемы во времени (ср. [Арутюнова 1988]). К. Смит постулирует следующую корреляцию между модусами дискурса и преобладающими в них сущностями (с. 167):

² В этом смысле концепция времени К. Смита предвосхищает теорию В. Кляйна [Klein 1994], постулирующего в качестве центрального понятия времени референции (topic time) – временного интервала, относительно которого делается ассерция высказывания.

Временные (temporal) модусы:

Нарратив: ситуации

Репортаж: ситуации, свойства

Описание: состояния, свойства, события в развитии

Вневременные (atemporal) модусы:

Сообщение: факты, состояния

Аргументация: абстрактные сущности, свойства

Второй признак, отличающий друг от друга разные дискурсивные модусы, – способ продвижения (principle of advancement), то, каким образом читатель или слушатель воспринимает развертывание текста. Временные модусы дискурса организованы в соответствии с временной или пространственной динамикой: в нарративе и репортаже это последовательность событий, в описании – скорее последовательность, в которой описываемая действительность разворачивается перед внутренним взором читателя или слушателя. Вневременные модусы организованы, напротив, в соответствии с более сложными логическими отношениями между фактами и пропозициями.

В статье «Сфера действия времени» К. Смит предлагает правила интерпретации временных форм в разных дискурсивных модусах. В нарративе главную роль играет время отсчета, а привязка его к моменту речи обычно нерелевантна или тривиальна. Имеются две основные модели интерпретации, применяющиеся к разным типам ситуаций: завершённые ситуации, выраженные перфективным видовым ракурсом (в тех языках, где ракурсы грамматикализованы), располагаются на временной оси последовательно и тем самым продвигают время отсчета; длящиеся же ситуации (состояния, события в развитии, выраженные имперфективным видовым ракурсом) интерпретируются как одновременные установленной ранее точке отсчета. В репортаже, напротив, временные выражения выступают в своей дейктической функции и главную роль играет расположение ситуаций относительно момента речи. В связи с этим линейный порядок представления ситуаций, принципиальный для установления их последовательности в нарративном модусе, для репортажа не столь важен. Наконец, в модусе описания время статично: все предложения имеют одно и то же время отсчета, а передаваемые ими ситуации воспринимаются как одновременные. С этим связано преобладание в описаниях глагольных лексем, обозначающих состояния, и имперфективных глагольных форм; К. Смит отмечает также, что когда в текстовый фрагмент, выдержанный в модусе описания, попадают перфективные глагольные формы, в норме предполагающие предельное понимание ситуации и таксис следования,

происходит семантический сдвиг (coscison) и предельность снимается (с. 173).

В статье «Категория времени и контекст во французском языке» К. Смит задается, по сути, типологическим вопросом о признаках категории времени, которые бы позволили определить, грамматикализована ли она в том или ином языке или же временные значения возникают как «побочные» интерпретации какой-либо другой категории (например, вида или модальности)³. Одним из важных критериев грамматического времени К. Смит, на первый взгляд парадоксальным образом, считает способность граммем времени в определенных контекстах иметь вневременные (atemporal) значения. Аргументом в пользу такого взгляда опять-таки служат типологические данные, указывающие на то, что граммемы прошедшего времени во многих языках могут выражать значения из области ирреальной модальности (см., например, [Fleischman 1989; Iatridou 2000]). Далее в статье дается подробный анализ атемпоральных значений французских прошедших времен в условных конструкциях; приводятся аргументы в пользу трактовки французского будущего именно как граммы времени, в отличие от английских конструкций, которые К. Смит предпочитает рассматривать как модальные; наконец, анализируется поведение французских грамматических времен в тексте с точки зрения описанной выше теории дискурсивных модусов.

Работы К. Смита, посвященные интерпретации темпоральных выражений в предложении и в дискурсе, представляют несомненную ценность по целому ряду причин. Во-первых, во многом новаторским является то, что исследовательница уделяет внимание не только собственно грамматическим единицам (видо-временным категориям), но и лексическим средствам выражения темпоральных значений (обстоятельствам), демонстрируя, что лишь оба эти класса языковых сущностей вместе позволяют получить полную временную интерпретацию высказывания. Во-вторых, это сочетание детального и формализованного описания интерпретации отдельного предложения с постоянным и опять же находящимся на высоком уровне точности вниманием к контекстным факторам, получившее развитие в

³ Отметим также, что свое определение К. Смит строит с помощью принятого в функционально-типологическом направлении метода прототипов: «если к граммеме применимы все признаки, я считаю ее временем; чем больше признаков применимы к данной граммеме, тем больше она похожа на время» (с. 185, перевод наш. – П.А.).

оригинальной концепции дискурсивных модусов. В-третьих, это сопоставительная, учитывающая межъязыковое разнообразие, перспектива исследований К. Смит. Все это делает ее работы полноценной и важной частью более широкой и разносторонней научной программы по изучению грамматических категорий в дискурсе (см. недавний обзор в [Плунгян 2008], где, к сожалению, работы американской исследовательницы не упоминаются).

В двух коротких статьях раздела «Усвоение времени детьми», К. Смит, опираясь на разработанную ею теорию темпоральной интерпретации, обсуждает проблемы развития у детей способности правильно понимать и порождать выражения с временной семантикой и локализовать ситуации во времени и относительно друг друга. Данные спонтанной детской речи и специальных экспериментов свидетельствуют о том, что дети с весьма раннего возраста способны говорить о ситуациях, относящихся к плану прошлого, и выстраивать эти ситуации в определенном порядке, причем независимо от типа описываемой ситуации. Тем не менее, как показывает К. Смит, понятие времени отсчета и связанные с ним более тонкие механизмы интерпретации и грамматики усваиваются позже, чем собственно категория времени. Кроме того, она выдвигает гипотезу, основанную на представлениях порождающей грамматики, о важной роли грамматического времени в усвоении более общих понятий синтаксической иерархии и сферы действия.

Раздел «Структура дискурса и дискурсивные модусы» включает четыре статьи, проблематика которых во многом связана с обсуждавшейся в разделе «Время». Статья «Временные структуры в дискурсе» («Temporal structures in discourse»; впервые опубликована в сборнике «Time, tense, and quantifiers», Max Niemeyer Verlag, 1980) предвосхищает работы К. Смит об особенностях темпоральной организации дискурсивных модусов, а статья «Смысловая неопределенность изолированных предложений» («The vagueness of sentences in isolation»; впервые опубликована в «Proceedings of the Chicago linguistics society» в 1977 г.) основывается на материале, вошедшем в статью «Синтаксис и интерпретация английских темпоральных выражений». Важнейшее заключение этой работы состоит в том, что аспектуальная и темпоральная интерпретация многих типов высказываний в значительной степени опирается на контекст и что, приписывая вырванным из контекста предложениям значение, носители пользуются общескогнитивным механизмом максимизации полученной информации, т.е. дают ту интерпретацию, которая следует из эксплицитно заключенной в предложении

информации с наименьшим числом дополнительных допущений. Например, если в предложении не специфицировано отношение между временем отсчета и временем ситуации, носители интерпретируют эти временные планы как одновременные (с. 279). Из этого следует методологический вывод о том, что «лингвисты могут идти по ложному пути, интерпретируя интуицию носителей об изолированных предложениях. Возможно, вместо того, чтобы выявлять языковые свойства тех или иных предложений, они на самом деле собирают данные о стратегиях интерпретации семантически неполных высказываний» (с. 281).

В статье «Предложения в тексте: анализ эссе Бертрана Рассела» («Sentences in discourse: an analysis of an essay by Bertrand Russell»; впервые опубликована в «Journal of linguistics» в 1971 г.) К. Смит применяет механизмы трансформационной грамматики для решения нетрадиционной задачи – выявить особенности стиля конкретного произведения (на примере фрагмента работы Рассела «The elements of ethics», 1910). Обращая внимание на то, что риторически наиболее важные фрагменты смысла Рассел помещает в начале и в конце предложения, К. Смит анализирует синтаксические механизмы, которые позволяют автору таким образом структурировать информацию. Кроме того, в этой ранней работе американская исследовательница одной из первых привлекает внимание синтаксистов к «поверхностному» понятию топики, которое оказывается центральным для интерпретации предложения в связном дискурсе. Эта статья наглядно демонстрирует, как К. Смит, находясь во многом в рамках трансформационного синтаксиса, выходит в смежные области, представляющие проблему для собственно синтаксического анализа и требующие иных методов и подходов.

В совместной с М.С. Эрбо (Mary S. Erbaugh) статье «Временная интерпретация в китайском языке» («Temporal interpretation in Mandarin Chinese»; впервые опубликована в журнале «Linguistics» в 2005 г.) К. Смит обсуждает лексические и грамматические механизмы выражения временных значений в языке, структура которого в этом отношении очень сильно отличается от таковой английского или французского, поскольку в китайском нет центральной для европейских языков грамматической категории времени. Вместо этого информация о локализации и последовательности ситуаций передается в китайском языке с помощью аспектуальных показателей и темпоральных обстоятельств, а в значительной части случаев вообще никак не эксплицируется, будучи выводимой из контекста. К. Смит и М.С. Эрбо

предлагают формальный анализ семантики китайских видовых маркеров и показывают, как они взаимодействуют с акциональными свойствами предикатов, с одной стороны, и как они специфицируют темпоральные отношения, с другой. Анализируя большой массив текстовых данных, авторы демонстрируют, что важную роль в интерпретации предложений в китайском играют прагматические факторы, в частности, тип дискурса (нарратив или описание). Вывод статьи состоит в том, что, несмотря на различие грамматических «ресурсов» между языками, принципы темпоральной интерпретации высказываний, как самих по себе, так и в связном дискурсе, в значительной степени являются общими.

Последний раздел сборника – «Контекст и интерпретация» – содержит две работы, посвященные лингвистическим механизмам воздействия текста на читателя. В совместной с Дж. Уитакер статье «Значимые умолчания: эллипсис в повести Флобера „Простая душа“» («Some significant omissions: ellipses in Flaubert's *Un cœur simple*»; впервые опубликована в журнале «Language and style» в 1984 г.) К. Смит анализирует характерные особенности стиля повести Флобера, основное внимание уделяя разным типам умолчания – случаям, когда автор требует от читателя самостоятельно «достроить» семантическую структуру текста, необходимую для его полной интерпретации. Авторы рассматривают три типа таких «умолчаний»: не поддержанное контекстом употребление грамматически определенных именных групп; использование анафорических местоимений без однозначного антецедента; непрямую ассерцию, т.е. употребление разного рода лексических единиц, косвенным образом сообщаящих читателю ту или иную информацию (например, выражений вроде *également* ‘точно так же’). К. Смит и Дж. Уитакер демонстрируют, какие лингвистические (грамматические, семантические и в первую очередь прагматические) механизмы позволяют читателю восстановить полный смысл текста, и показывают, что активное употребление Флобером описанных в статье «умолчаний» является художественным приемом, одна из целей которого – создать у читателя «эффект присутствия» и эмпатию по отношению к персонажам. Данная статья является ярким примером того, как собственно лингвистические методы и понятия могут служить решению литературоведческих задач, а анализ художественного текста оказывается удобным «полигоном» для работы лингвиста (в этом смысле работа К. Смит и Дж. Уитакер находит прямые параллели в исследованиях Е.В. Падучевой [Падучева 1996]).

Статья «Объяснение субъективности (точки

зрения)» («Accounting for subjectivity (point of view)»), впервые опубликованная в сборнике «The legacy of Zellig Harris» (Amsterdam: John Benjamins, 1992), посвящена лингвистическим средствам выражения субъективной точки зрения говорящего или персонажа на описываемую в высказывании ситуацию. К. Смит предлагает разграничивать точку зрения и перцептивную перспективу, поскольку они имеют разные языковые свойства, и ставит вопрос о лингвистической идентификации лица, отвечающего за выраженную в высказывании точку зрения или перспективу. В рамках точки зрения К. Смит различает сообщение от имени лица (прямую речь, косвенную речь и так называемый свободный косвенный дискурс, см. [Падучева 1996: 335 и сл.]), содержание сознания (ментальные состояния, передающиеся пропозициональными актантами глаголов мысли) и оценку разных типов (и здесь ср. работы Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976; 1988]). Важнейшую роль в создании субъективной точки зрения, как показывает К. Смит, играют дейктические (эгоцентрические по Е.В. Падучевой) элементы – местоимения, обстоятельства, грамматическое время. Перцептивная перспектива может передаваться различными способами, в том числе, помимо прямого употребления глаголов восприятия, употреблением имперфективных видовых форм. Кроме того, определенная перспектива может возникать и вне контекста перцепции – в этой связи обсуждаются представленные в разных языках так называемые синтаксически свободные употребления рефлексивных местоимений, которые, как показывает ряд исследований, связаны с выражением субъективной перспективы на ситуацию. В заключение статьи К. Смит предлагает анализ разных проявлений субъективности в рамках теории репрезентации дискурса; для этого она предлагает различать роли автора сообщения (reporter) и лица, о котором идет речь (self), и показывает, как те или иные языковые конструкции требуют, чтобы ответственность за точку зрения или перспективу, выраженную в предложении, была приписана одной из этих ролей или им обеим.

* * *

Рецензируемое собрание статей Карлоты Смит дает весьма полное представление о разносторонних интересах этого ученого и позволяет включить ее наиболее известные аспектологические труды в существенно более широкий контекст исследований по семантике и структуре дискурса. В этой связи хочется отметить удачное составление книги – с одной стороны, включенные в нее статьи посвящены весьма разным проблемам, с

другой стороны, логически они тесно связаны между собою и демонстрируют закономерные переходы от одного класса научных вопросов к другому. Кроме того, составителями хорошо соблюден баланс между общетеоретическими работами и статьями, посвященными более узким проблемам и весьма конкретному материалу. Наконец, сборник в полной мере отражает занятия К. Смит разноструктурными языками.

В порядке критики хочется высказать ряд замечаний, адресованных составителям и издательству. Во-первых, на наш взгляд, неудачно, что имя основного автора на обложке книги появляется лишь в подзаголовке, оказываясь тем самым в «подчиненном» положении по отношению к именам редакторов-составителей. Это даже привело к тому, что имя К. Смит вообще отсутствует на корешке книги. Во-вторых, довольно неудобно то, что сведения о месте и времени первой публикации даются не при каждой статье, а отдельным списком, к тому же упорядоченным по издательствам, в которых выходили журналы или сборники со статьями Смит. В-третьих, по нашему мнению, составителям следовало бы проделать гораздо более тщательную работу по подготовке статей к публикации. К сожалению, текст содержит весьма значительное число опечаток, подчас затрудняющих понимание. Например, на с. 18 в примере (26) должен стоять знак неправильности «*» или «#»; на с. 19 в тексте перепутаны номера примеров; на с. 22 и 23 с ошибками написаны фамилии F. Merlan (в тексте вместо этого «Merlin») и DeLancey. На с. 65 после примера (2) вместо «three» следует читать «two»; на с. 75 в примере (20) по два раза повторены одни и те же предложения; на с. 117 появился заголовок, место которого на самом деле на с. 119; на с. 131 после примеров (27)–(29) пропущен фрагмент фразы; на с. (150) перед диаграммой (7) почему-то идет отсылка к диаграмме (9); внизу с. 183 часть одного предложения повторяется дважды, и то же на с. 194, 196, 199; на с. 186 после примеров (2) лишними являются слова «the tense», а вместо «model» следует читать «modal»; на с. 193 в примере (14b) пропущена часть французского предложения; на с. 214 вместо «perfective», по-видимому, следует читать «imperfective»; на с. 256 написано «be cause» вместо «because», на с. 258 – «insight ful» вместо «insightful»; на с. 321 в одну строку дан китайский пример (14d) и его английский перевод; в японских примерах из сноски 15 на с. 385 сдвинуты глоссы и ошибочно напечатано «NBG» вместо «NEG», кроме того, отсутствует расшифровка обозначений; на с. 387 стоит номер для отсутствующей на ней сноски

15; на с. 388 перед списком (29), как кажется, пропущен кусок фразы, значение которого восстановить невозможно. По нашему мнению, составляя посмертное собрание статей своего учителя и коллеги, редакторы могли бы с большим вниманием отнестись к качеству текста.

В заключение еще раз подчеркнем, что сборник статей покойной Карлоты Смит представляет собою чрезвычайно ценную книгу, дающую читателю возможность познакомиться с основными работами этого выдающегося и интересного ученого, каковы работы, несмотря на то, что со времени первой публикации иных из них минуло несколько десятилетий, на наш взгляд, не утратили своей свежести и актуальности. Остается лишь сожалеть, что активная научная деятельность Карлоты Смит безвременно прекратилась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1988 – Н.Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Падучева 1996 – Е.В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Плунгян 2008 – В.А. Плунгян. Предисловие: Дискурс и грамматика // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. 4. Грамматические категории в дискурсе. М., 2008.
- Смит 1998 – К. Смит. Двухкомпонентная теория вида // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Fleischman 1989 – S. Fleischman. Temporal distance: A basic linguistic metaphor // Studies in language. V. 13. 1989. № 1.
- Iatridou 2000 – S. Iatridou. The grammatical ingredients of counterfactuality // Linguistic inquiry. V. 31. 2000. № 2.
- Kamp 1981 – H. Kamp. A theory of truth and semantic representation // J.A.G. Groenendijk, T.M.V. Janssen, M.B.J. Stokhof (eds.). Formal methods in the study of language. Amsterdam, 1981.
- Kamp, Reyle 1993 – H. Kamp, U. Reyle. From discourse to logic. Dordrecht., 1993.
- Klein 1994 – W. Klein. Time in language. London; New York, 1994.
- Reichenbach 1947 – H. Reichenbach. Elements of symbolic logic. Berkeley, 1947.

Smith 1961 – *C. Smith*. A class of complex modifiers in English // *Language*. V. 37. 1961.

Smith 1964 – *C. Smith*. Determiners and relative clauses in a generative grammar of English // *Language*. V. 40. 1964.

Smith 1983 – *C. Smith*. A theory of aspectual choice // *Language*. V. 59. 1983.

Smith 1991/1997 – *C. Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991. (2nd ed. 1997.)

Smith 2003 – *C. Smith*. Modes of discourse. Cambridge, 2003.

Vendler 1957 – *Z. Vendler*. Verbs and times // *The philosophical review*. V. 66. 1957. № 2.

И.М. Аркадьев